

- А откуда господин Шэнь знает? - Сунь Цзя на мгновение опешил, удивлённо вскинув брови, а потом невольно рассмеялся - тихо, немного смущённо, но с какой-то тёплой, почти детской непосредственностью. Видимо, когда он был не в себе, когда разум его блуждал в потёмках, мать сотни, тысячи раз называла его этим детским именем, вкладывая в него всю свою боль, всю надежду, всю отчаянную любовь. Имя "Мяо Мяо", наверное, звучало в его ушах постоянно, даже если он не мог на него откликнуться.

Вспомнив, сколько выстрадали ради него родители за эти долгие, бесконечные годы, как они отказывали себе во всём - в новой одежде, в отдыхе, даже в самом необходимом, даже в куске мяса на ужин, - Сунь Цзя улыбнулся, но в улыбке этой, в самом её изгибе, сквозила такая горькая, такая щемящая печаль, что у любого, кто смотрел на него, должно было сжаться сердце.

- Да, верно, - подтвердил он, кивнув самому себе, каким-то своим мыслям. - В детстве меня звали Мяо Мяо. Это мама придумала. Говорила, что я был такой маленький и пушистый, как только что проклюнувшийся росток (1).

Но ведь родители каждый день звали его по имени - и тем детским, ласкающим слух "Мяо Мяо", и теперешним, взрослым, официальным "Цзя" - а он так и не приходил в себя. Семь или восемь лет, целую вечность, он просуществовал в каком-то тумане, в липкой, тягучей полудрёме, словно во сне, из которого никак не мог проснуться. А мать за это время из цветущей ещё женщины превратилась в сгорбленную, преждевременно состарившуюся старуху с иссушенными годами и горем руками; отец, вечно занятый, вечно в работе, надорвал своё здоровье, пытаясь обеспечить семью и оплачивать бесконечные лечения, и теперь сам нуждался в помощи. Если бы он тогда, в восемнадцать лет, смог остаться здоровым, если бы не эта напасть, не этот удар судьбы...

Он поднял глаза и заметил, что выражение лица господина Шэня вдруг стало каким-то странным, неуловимо изменилось. Словно тот услышал нечто неожиданное, даже поразительное, что-то, что задело в нём какую-то невидимую, глубоко спрятанную струну. Сунь Цзя поспешно отбросил грустные мысли и, чтобы разрядить обстановку, с лёгкой, почти шутливой интонацией спросил:

- Господин Шэнь, моё детское имя такое уж странное? Так режет слух? Или, может быть, напоминает вам кота?

- Нет, что Вы, - Шэнь Чан Ань мотнул головой, и лицо его вновь обрело обычное, спокойное, чуть отстранённое выражение, за которым, впрочем, всё ещё угадывалась какая-то внутренняя работа мысли. Он решил сменить тему, не углубляться в то, что его так внезапно кольнуло, и, повернувшись, кивнул в сторону распахнутых настежь железных ворот, у которых маячили две знакомые фигуры. - Вы сегодня уезжаете, господин Сунь Цзя?

- Да, - кивнул тот, и взгляд его устремился туда же, куда смотрел его собеседник. - Перед отъездом захотелось зайти сюда, посмотреть... на всё это. Попрощаться.

Он придерживал ручку чемодана – новенького, дешёвого, но чистого, купленного, видимо, специально для этой дальней дороги – и, глядя сквозь суетящихся во дворе сотрудников лесного хозяйства, которые что-то сосредоточенно измеряли специальными приборами, записывали данные в толстые тетради, огораживали большое дерево сигнальной лентой, вдруг улыбнулся – светло, отрешённо и немного печально, словно видел перед собой не эту будничную суету, а что-то совсем иное, сокровенное.

– Когда я был совсем маленьким, – начал он, не оборачиваясь, не сводя глаз с дерева, голос его звучал тихо и задумчиво, словно он говорил сам с собой. – У меня здесь был друг. Очень хороший друг, мы с ним постоянно играли, не разлей вода были. Я даже не помню, как его звали, но лицо его, его улыбку – помню. А потом... потом он вдруг исчез. Просто перестал приходить. Я искал его везде, где только мы раньше играли, звал, спрашивал у других ребят во дворе – никто его не помнил, никто не знал, куда он делся, куда переехал. Слово его и не было никогда, – он помолчал. – Но я-то знал, что был. Я помнил.

Шэнь Чан Ань молча смотрел на большое дерево с уже тронутыми желтизной, кое-где начавшими сохнуть листьями, и не проронил ни слова. В ушах его всё ещё звучал голос зелёноволосого малыша из сна: "Мяо Мяо... Он обещал, что мы будем друзьями навсегда..."

– Я уезжаю, – продолжил Сунь Цзя, выныривая из своих воспоминаний. – И неизвестно, когда вернусь. Может, через год, может, через пять лет, а может, и никогда, – он достал из кармана джинсов сложенный в несколько раз, чуть помятый, но аккуратно сложенный листок бумаги и протянул его Шэнь Чан Аню. – Если... если вдруг, чисто теоретически, чисто гипотетически, он вернётся сюда и будет обо мне спрашивать, передайте ему это, пожалуйста, – в голосе его не было большой надежды, скорее, какое-то тихое, почти безнадежное пожелание. – Здесь мои контакты в сети, никнеймы в мессенджерах. Даже если номер телефона поменяется, если я сменю город, страну – эти аккаунты останутся теми же. По ним меня всегда можно найти.

– Хорошо, – Шэнь Чан Ань взял бумажку бережно, двумя пальцами, словно это была не просто бумага, а нечто хрупкое и драгоценное, и, не откладывая в долгий ящик, аккуратно, стараясь не согнуть и не порвать, положил её в водонепроницаемый отдел своего бумажника, туда, где лежали самые важные вещи. – Можете не сомневаться: если он когда-нибудь объявится, если я его увижу, я обязательно передам. Слово даю.

– А если он уже забыл, – тихо, почти шёпотом добавил Сунь Цзя, глядя куда-то в сторону, в пустоту. – Тогда не надо. Пусть остаётся, как есть, – улыбка его была чистой, почти безоблачной, но в глазах стояла лёгкая, светлая грусть. – Я очень благодарен ему за то детство, за те игры, за ту дружбу, что у нас была. Но люди взрослеют. Детство не может длиться вечно, как бы нам этого ни хотелось. То, что было прекрасно тогда, не обязательно должно оставаться частью нашей жизни сейчас. У него, наверное, своя жизнь, свои заботы, своя семья. Я не хочу, чтобы мои воспоминания, моя благодарность стали для него обузой, камнем на шее, помешали его нынешнему счастью.

– Я понял, – кивнул Шэнь Чан Ань, и в глазах его мелькнуло глубокое, искреннее понимание, граничащее с сопереживанием. – Что ж, счастливого вам пути. Пусть всё сложится хорошо.

- Спасибо, - Сунь Цзя отпустил ручку чемодана, подошёл к дереву вплотную и, положив обе ладони на его шершавый, потрескавшийся от времени, покрытый глубокими морщинами коры ствол, замер так на мгновение, словно прислушиваясь к чему-то. Потом улыбнулся чему-то своему, сокровенному, что видел только он один. - В детстве мы с тем другом часто играли под этим деревом. Он ещё научил меня по нему лазить. Я тогда здорово расцарапал себе колени, а он смеялся и говорил, что это ничего, что это даже полезно - учиться преодолевать трудности.

---

1. Мяо Мяо (苗苗) - детское, ласкательное имя, образованное от иероглифа "苗" (мяо), который означает "росток", "всходы", "молодое растение". Такие имена часто дают детям, желая им расти здоровыми и сильными, как молодые побеги.

<http://bllate.org/book/16518/1504130>